

— А-а-а-а-а! — Чай Цзыжань снова издал душераздирающий вопль. Генерал Хунмэнь нахмурился, сделал несколько широких шагов вперёд. В руках у него не было оружия, но любой, сведущий в боевых искусствах, видел: его ладони дышали мощью, подобной тигриной, и вот-вот обрушатся сокрушительным ударом.

Суй Ин наспех прикрыл вырытый «лаз», взмахнул хлыстом — тот метнулся к шее генерала Хунмэня. Тот уклонился, рванулся вперёд и тяжело ударил ладонью по плечу Суй Ина. Тот не стал вступать в схватку, отскочил назад. Тогда генерал Хунмэнь обратил «Ладонь железного песка» на Суй Фэна. Тот прогнулся, едва избежав удара, а его хлыст из мягкого золота, словно юркая змея, обвил сапог генерала.

Генерал Хунмэнь, могучий телом и ловкий в движениях, легко отпрыгнул, избегая внезапной атаки. Суй Фэн отвёл хлыст назад, ударил по навесу и уже занёс его для нового удара, как вдруг занавесь откинулась и появился Жун Лин.

— Хватит драться! Всё это недоразумение, одно сплошное недоразумение! — испуганно воскликнул он.

Противники, чья схватка лишь мгновение назад бушевала огнём и водой, замерли. Суй Ин по-прежнему стоял у выхода из навеса, бдительно следя, чтобы Чай Яньжань не вошла внутрь. Увидев Жун Лина, он с удивлением мельком взглянул на него, но промолчал.

Чай Яньжань ухватила Жун Лина за рукав.

— Как мой брат? Его... его целомудрие... — спросила она тревожно, но, осознав, что задала неуместный вопрос, смущённо прикрыла рот ладонью.

Все, кто находился снаружи, устремили на неё напряжённые взгляды. Будучи людьми тренированными, они обладали острым слухом, и слова «целомудрие» не ускользнули от их ушей. Глаза загорелись любопытством — особенно у генерала Хунмэнь, который в последнее время изнывал от скуки.

Щёки Жун Лина залились румянцем. Под пристальными взглядами он откашлялся.

— Господин Цзыжань... невредим!

Чай Яньжань, заметив его неуверенность, встревожилась ещё больше.

— Неужели всё в порядке?

Занавесь снова взметнулась, и наружу выскочил Чай Цзыжань с сияющей улыбкой.

— Конечно, всё в порядке! Хи-хи-хи! Что со мной могло случиться?

Чай Яньжань с изумлением оглядела его.

— И правда цел! — вздохнула она с облегчением и посмотрела на Мо Цзюцзюня, который неспешно вышел следом. Внезапно вся её обида растаяла.

Увидев, как Мо Цзюцзюнь выходит, словно овеянный весенним ветерком, Чай Цзыжань почувствовал неловкость. Он невольно потянулся рукой к своему заду, а на глазах выступили слёзы.

«Всё в порядке, всё в порядке, — утешал он себя. — Будто волк укусил за плечо, а потом, от

голода, цапнул за зад. Всё в порядке! Зад цел».

Жун Лин, стоя позади Чай Цзыжання, изо всех сил старался не смотреть, как тот потирает свою пятую точку, старался забыть ту пикантную и ослепительную сцену, которую только что наблюдал, и — самое главное — старался забыть, как Мо Цзюцзюнь грыз Чай Цзыжання за зад.

Его взгляд блуждал, пока не упал на сверкающую голову серебряного волка. В мозгу мелькнула мысль, и он начал самогипноз: «Я видел не человека. Я не видел человека. Я видел серебряного волка, который от голода глодал жалкого щенка. Да! Волк укусил щенка за плечо, потом за зад. Нормально. Вполне нормально!»

— Господин, господин, господин! — Юань Хан, неся в руках резную нефритовую чашу, наполненную водой, неловко толкнул дверь комнаты Чай Цзыжання задом, чтобы не расплескать воду, и с грохотом поставил керамический таз на стол. Взгляд его скользнул по лежащему на столе сборнику стихов, но он сдержал щемящее любопытство и не открыл его.

Чай Цзыжань поднялся с кровати, откинул синий полог и недовольно уставился на Юань Хана, чьё лицо было странно розовым.

— С чего это ты орёшь с самого утра? — нахмурился он.

— Господин, — робко произнёс Юань Хан, — сейчас уже полдень.

— А-а-а! — Чай Цзыжань вскрикнул, подскочил на кровати, схватил одежду с ширмы и начал натягивать её на себя. — Пропал, пропал! Опоздал! Мо Цзюцзюнь этот непременно живьём меня сожрёт!

Юань Хан остолбенел.

— Господин, сегодня утром вы встали и сказали, что будете протестовать против притеснений начальника уезда Суюй и нарочно не пойдёте в управу. Как же вы за один сон передумали? — Он с сочувствием посмотрел на Чай Цзыжання. — Беременные женщины глупеют на три года, а вы за один день в роли подопытного кролика поглупели на все три!

— Ой! — Юань Хан схватился за голову, пошатнулся и отступил, с испугом глядя на Чай Цзыжання. — Господин, за что вы меня ударили?

Чай Цзыжань, только что отвесивший звонкий щелбан, хоть рука и болела, был в прекрасном настроении и не придал боли значения.

— Я твой господин, — буркнул он, подняв один кулак в грозной позе, а другой рукой выставив два пальца. — Могу ударить, если захочу. — Он помахал пальцами перед лицом Юань Хана. — И не один день, а два. Я добровольцем вызвался пройти «Переправу Восьми Бессмертных», хитростью пленил разбойников — это героический поступок, сопряжённый с риском для жизни. — Взгляд его стал строгим, и он снова шлёпнул Юань Хана по голове. — Зови меня героем.

Юань Хан, прикрывая голову, отступил к безопасному углу у двери и с опаской уставился на господина.

— Я слышал, это господин Цзюцзюнь велел генералу Хунмэню спасти вас... — Увидев, как Чай Цзыжань бросается на него, чтобы пнуть, Юань Хан выскочил за дверь и пустился бежать без оглядки.

Чай Цзыжань вовремя остановил свою занесённую ногу, захлопнул дверь и, потирая руки, радостно подбежал к столу. В дорогой резной нефритовой чаше плавали несколько маленьких креветок.

— Креветочки, креветочки! — захихикал он. — Вот это вещь! Хе-хе-хе-хе!

В украшенном с роскошью дворе управы уезда Суй Мо Цюцзюнь прогуливался по садику. Он делал три шага, останавливался и спрашивал Суй Ина:

— Он уже пришёл?

— Нет, господин, — безэмоционально ответил Суй Ин.

Холодное лицо Мо Цюцзюня оставалось бесстрастным. Он снова сделал три шага, повернулся к Суй Фэну:

— Он уже пришёл?

— Нет, — ответил Суй Фэн.

На обычно бесстрастном лице Мо Цюцзюня мелькнула тень недовольства.

— Наглость его растёт не по дням, а по часам.

Суй Фэн опустил голову, не смея ответить. В душе он вздохнул: если бы не то, что господин Цюцзюнь его балует, давая «смелости», Чай Цзыжань и думать не смел бы так открыто перечить ему.

Барабан перед управой пробил в третий раз, гулко разносясь по округе. Дюжий стражник почтительно подошёл к Мо Цюцзюню, поклонился и сказал:

— Жители уезда Суй бьют в барабан, взывая о справедливости. Осмелюсь спросить, ваша милость, не прикажете ли начать слушание сейчас?

— Хм! — фыркнул Мо Цюцзюнь. — Пусть ждут спокойно. Сегодня я поднимусь на судейское место только если в барабан ударит Чай Цзыжань. Больше никто.

— Слушаюсь, — поклонился стражник и отошёл.

Мо Цюцзюнь поднял глаза к небу, где плыли облака. Одно из них показалось ему особенно большим, похожим на тело огромной собаки с разинутой пастью, весело виляющей хвостом. В глазах его блеснула радость, и он взглянул на Суй Ина:

— Видишь то облако? Похоже на большую белую собаку?

Суй Ин, лишённый воображения, прямолинейно ответил:

— Нет.

«...» Настроение Мо Цюцзюня, и так не самое лучшее, окончательно испортилось. Он взмахнул рукавом.

— Уже поздно. Все могут идти отдыхать.

Суй Ин спокойно взглянул на небесные облака и так же спокойно ответил:

— Слушаюсь. — Он переглянулся с Суй Фэном. Он слышал от жителей уезда Суюй, что если в сердце человека поселится другой человек, то и ум его меняется. Когда он услышал это, то счёл вздором, но теперь это казалось ему пугающим. Ведь любой нормальный человек, услышав, что облако похоже на собаку, подумает то же самое!

Мо Цзюцзюнь стоял перед роскошно украшенным двором, глядя на серебряную собачью голову-светильник у своего входа. Её глаза, инкрустированные ночным жемчугом, даже днём переливались и сверкали, напоминая глаза Чай Цзыжана.

Он обернулся к Суй Фэну:

— Уже поздно. Почему Чай Цзыжань всё ещё не пришёл?

Суй Фэн, чувствуя на себе тяжесть взгляда, из профессиональной преданности не взглянул на ослепительное солнце над головой и почтительно ответил:

— Возможно, уже слишком поздно, и господин Цзыжань решил отдохнуть.

<http://bllate.org/book/15931/1424040>